

6. Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2010. 356 с.
7. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 510 с.
8. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 635 с.
9. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877с.
10. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Вып.7. С. 29.
11. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: «Росет», 1994. 592 с.

УДК 130.2:316.42

Бокачев Иван Афанасьевич, Незнамова Ирина Ивановна

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье обосновывается актуальность обеспечения безопасности духовной культуры, в философском контексте рассмотрен целый комплекс проблем, от решения которых во многом зависит не только безопасность духовной культуры, но и судьба реформ российского общества в целом.

Ключевые слова: духовная культура, безопасность, безопасность духовной культуры, сознание, личность.

Bokachev Ivan A., Neznamova Irina I.

SAFETY OF THE SPIRITUAL CULTURE AS AN IMPORTANT CONDITION FOR THE STEADY GROWTH OF THE RUSSIAN SOCIETY

This article justifies the importance of providing safety to the spiritual culture, in philosophical context reviewed the whole range of problems on the solution of which depends not just safety of spiritual culture, but the fate of reforms in Russian society in general.

Key words: spiritual culture, safety, safety of spiritual culture, consciousness, personality.

Обеспечение безопасности духовной культуры – это не отвлечённая проблема нашей действительности, а настоятельное веление времени. Ведь ни для кого не секрет, что многие экономические, политические неудачи, торможение процессов демократизации, государственного строительства – всё это напрямую связано с кризисом духовной культуры. Разложение нации и даже гибель государства, как показывает история, практически всегда начинались с разложения духовности и основ культуры, уничтожения моральных принципов, подмены ценностей, внедрения ложных идей. Это во многом лишает возможности формировать адекватный ответ не только историческим, но и современным геополитическим вызовам, обеспечивать безопасность духовную, культурную, экономическую и даже военную.

Однако прежде чем рассмотреть обозначенную проблему, следует уточнить её наиболее общие вопросы, имеющие теоретико-методологическую основу. В первую очередь это относится к понятиям «духовная культура» и «безопасность». Например, необходимость уяснения термина «духовная культура» вызвана тем, что это понятие в интерпретации современных политиков, государственных чиновников всё чаще и чаще сужается до различных жанров искусства, организации досуга, сводится к развлечениям, в то время как «духовная культура – предтеча и духовный исток культуры материальной, всего человеческого бытия» [1, с. 44]. Духовная культура – это то, что отличает человека от животного, это качественное состояние (как выражение), это своего рода уровень достигнутого в развитии и формировании целостной личности и общества. Целостный человек, по сути, – духовный человек, он не будет ставить перед собой безнравственные цели и тем более осуществлять свои «благие намерения» безнравственными средствами.

Духовное бытийствует как индивидуализированное духовное, присущее отдельно взятому человеку (духовный мир человека) и как объективированное духовное (общественное сознание). В то же время человек вне культуры не может осуществить себя в качестве человека и реализовать свой духовный потенциал. В конечном счёте, ценность культуры есть производная от самооценки человека. Однако приобщить человека к культуре можно лишь тогда, когда личность начинает не

просто созерцать культурные символы, а оживлять их в собственной душе, в своем творчестве и повседневной деятельности. Культура, её символы, как справедливо замечает О. Шпенглер, «живут не сами по себе, а лишь через творческую активность вдохновлённого ими человека. Если же человек отворачивается от культурных символов, то они умирают, и от культуры остаётся символическое тело, из которого ушла душа» [2, с. 329].

Следовательно, культура и человек, культура и духовность немыслимы друг без друга, и рассматривать их следует в единстве и целостности. Такой подход выражает достаточно устойчивую традицию. Но при первом же рассмотрении видится определённая подмена: собственно «духовность» и «культура» не могут быть тождественными, как не могут быть тождественными производные от них понятия «сознательная культура», «идеальная культура» и т. п. Разве в данном случае мы говорим об одном и том же? А само словосочетание «духовная культура» содержит тавтологию: что-то вроде «духовная духовность». Значит, неправомерно сводить культуру к духовности и тем более говорить о разделении культур. Наиболее чётко эта мысль отражена в высказывании В.С. Библера, который, говоря о разделении культур на материальную и духовную, писал: «...нелепо говорить раздельно о «материальной» и «духовной» культурах или сводить определение культуры к чистой духовности. Существенно как раз то, что культура – это всё целостное бытие человека, понятие... как феномен самоустремлённости, т. е. в своем духовном острие» [3, с. 307].

В то же время следует чётко себе представлять, что культура – это усилие, но «моё» усилие, а не насилие по отношению к личности и её духовному миру. Образ сложноорганизованного социокультурного вакуума, уже использовавшийся в контексте психологии В. А. Лефевром, довольно точно описывает ситуацию человеческого развития. Человек действительно может находиться в культуре и оставаться вне её. Он может быть пустым местом для культуры и культура может быть чужой для него, он может смотреть на культуру ненавидящими глазами, проходить сквозь неё как сквозь пустоту, не «запачкавшись» и не оставив на ней своих следов. Хотя последнее может быть не самым худшим вариантом обращения с культурой. Это и означает быть в культуре, как в вакууме. Если так понимать культуру, то в неё не следует включать понятия агрессивности, насилия, потому что насилие и культура не совместимы. Насилие не имеет ничего общего с культурой. В этом понимании культура – движущая детерминанта, вынужденная искать для себя образцы, двигатели.

Подобный анализ показывает, что духовное обновление, совершенствование личности и общества возможны только в культуре и через культуру. В культуре человеку открываются горизонты для приобщения к новейшим достижениям современной цивилизации, к её высшим духовным ценностям. Здесь человек ощущает потребность жить и творить не столько для себя, сколько для других, для общества, в конце концов, человек в культуре может и должен стать Человеком. «...Именно культура всё решительнее заявляет о себе как самостоятельная животворящая сила, оказывающая огромное воздействие на всю атмосферу в обществе, что бы центроостремительные силы окончательно не разнесли его в прах» [4, с. 133].

Проблема актуализируется ещё и тем, что за годы социальных, политических и экономических трансформаций было утрачено в значительной степени многое из культурного достояния России. Изменились ценностные ориентации её граждан, прежде всего подрастающих поколений, претерпели существенные изменения международные и внутренние информационно-культурные связи, национальная, традиционная культура наших народов стала испытывать жёсткий прессинг извне, со стороны масс – культуры разрушающей духовный мир человека и традиционные ценности. Идёт активный процесс индокринации и вестернизации. Некогда целостное культурное пространство стало распадаться на отдельные всё менее связанные в культурном отношении сегменты, не объединённые, как прежде, общими ценностями, нормами, а зачастую и противостоящие друг другу в культурном, духовном смысле. Духовная, информационная, культурная сферы являются сегодня театром глобального противодействия. Становится очевидным, что от культуры, и в первую очередь от её духовной составляющей, во многом зависит не только успешное реформирование российского общества, но и его будущее.

Всё это говорит о том, что в настоящее время, как никогда ранее, весьма остро ощущается проблема защиты культуры, обеспечения её безопасности. Неслучайно понятие безопасности в современной гуманитарной, в том числе философской науке, играет всё более заметную роль. По словам А. Ю. Моздакова, «... функция обеспечения безопасности неизменно остаётся одной из важнейших, а в состоянии кризиса могут оказываться лишь институты, эту функцию выполняющие» [5, с. 18].

Одним из первых философов, непосредственно обратившихся к проблеме безопасности, был Ф. Бэкон. Понятию безопасности в теории «общественного договора» Т. Гоббса отводится центральное место. По мнению Гегеля, иерархия объектов безопасности должна служить критерием степени тяжести преступления. Самыми опасными классик немецкой философии считал те преступления, которые посягают на безопасность государства, т.к. их косвенным следствием будет угроза безопасности самого человека. В современной, так называемой философии постмодерна так же имеют место представления о безопасности. Так, например, по мнению М. Фуко, в современном обществе сфера гарантий безопасности максимально расширяется, но вместе с тем расширяются и сфера контроля, и сфера возможностей власти. Недалеко от М. Фуко в своих рассуждениях о безопасности ушёл Ж. Бодрийяр. Теоретические и практические вопросы безопасности содержатся и в отечественной научной литературе, хотя и имеют они, как правило, узкопрофессиональную направленность. Здесь в основном преобладает точка зрения, согласно которой данная проблема рассматривается в зависимости от задач, решаемых представителями того или иного научного направления. Однако нас в данном случае, интересуют не столько рассуждения о безопасности вообще, сколько о безопасности духовной.

По мнению В. В. Сергеева, «сохранение и обеспечение безопасности духовной культуры – необходимое условие, позволяющее России и россиянам отстоять основополагающие принципы, нормы, традиции, уклад, национальное самосознание и культурную самобытность, культурную самоидентификацию, складывавшиеся на всём долгом пути исторического развития» [1, с. 44]. Свой взгляд на проблему имеет А. Ш. Викторов. По его мнению, «духовная безопасность любого общества непосредственно определена состоянием и условиями его устойчивой жизнедеятельности, которая обеспечивает сохранение и защиту нравственного и социокультурного потенциала того или иного народа, опирающегося на свои традиционные устои и идеалы» [6, с. 44].

Эти и другие точки зрения на безопасность общества через призму духовной культуры позволяют выявить не только различные комплексы социокультурных взаимосвязей, но и дают возможность воссоздать целостную картину общественного развития, помогают объяснить многие противоречивые процессы в современной социальной и духовной жизни России. Они подтверждают мысль о том, что кризис культуры всегда был связан с духовными основаниями, кризисом духовности. Сегодня уже ни для кого не секрет, что так называемый «культурный проект» младодемократов заключался в тотальном отрицании всего накопленного многонациональной культурой российского, а затем советского государства; в высмеивании традиций народной культуры, русской и советской классики. Они избрали тот же скользкий путь, по которому прошли так называемые «пролеткультовцы» в 20–30-х гг. прошлого столетия. А что же современные «пролеткультовцы» хотели предложить народу, и прежде всего молодёжи, взамен? Был предложен суррогат западной масс-культуры в области литературы, музыки, кино, театра. Началась культурная экспансия, в том числе экспансия масс-культуры, для которой свойственна общая характерная черта – стремление добиться осуществления определённых целей государством, путём прямого или косвенного воздействия на сознание людей, вызвать изменение взглядов, шкалы ценностей, «эрозию духовности».

Сильное тлетворное воздействие на культуру оказывает «диктатура наживы». Вот, например, что писал о своём творчестве Пикассо ещё в середине прошлого века: «Со времён кубизма и даже ещё раньше я удовлетворял всех критиков бесконечными художественными вывертами, которые приходили мне в голову и которыми они тем больше восхищались, чем меньше они были ими поняты. И слава означала для художника способность продать картину, нажать благосостояние, богатство. Я ныне не только знаменит, но и богат. Если же я остаюсь наедине с собой, я не осознаю себя художником в большом значении этого слова. Великими художниками были Джотто, Тициан, Рембрандт и Гойя. Я всего лишь художник – шутник, который понимал своё время и, как мог, угождал глупости, похотливости и тщеславию современников» [7, р. 4]. Так в обществе «золотого тельца» художник вынужден скатываться к пошлости, убивать подлинное искусство «чёрными квадратами», которые может нарисовать любой ребёнок. Но какая шумиха поднимается всякий раз в прессе вокруг этих «гениальных творений»! На аукционах они покупаются за миллионы долларов. Примером нравственной и идейной извращённости и пошлости могут служить и многие наши телеканалы, служащие частным интересам, в том числе зарубежным.

Масс-культура изначально существует и развивается в целях мифологизации действительности, духовного, а значит и физического подчинения толпы, она представляет собой целую индустрию

стрию иллюзорного сознания [8, с. 25–40]. Многолетний опыт показывает, что культурная экспансия осуществляется не посредством каких-то разрозненных акций, а планомерно и последовательно, в ходе её реализуется множество различных по целям и задачам компаний, объединённых одной направленностью. В наше время воздействие масс-культуры на человека стало намного более разнообразным, действенным и изощрённым в связи с созданием новых технологий управления огромными массами людей. Специфика масс-культурных манипуляций заключается в том, что они совершаются для достижения конкретных целей, скрытых от объекта воздействия. Как правило, делается это весьма искусно, а вернее сказать – изощренно. Внушаемая информация внешне незаметно вкрапляется в контекст драматического, литературного произведения, текст песни, содержание рекламы и таким образом неявно, но прочно внедряется в подсознание аудитории. Такой метод гораздо эффективнее прямой пропаганды или агитации и существенно расширяет диапазоны манипулятивных возможностей. Суть манипуляции заключается в том, что она погружает человека в некую ирреальность, в которой человек и осуществляет свой выбор целей, ценностей, путей и т. п., не осознавая несамостоятельность принятого решения и того, что он следует воле манипулятора.

Всё это позволяет в какой-то мере возразить тем учёным, которые считают, что культура, прежде всего массовая, возвела в абсолют свои рыночные свойства. «Американская массовая культура в приобретении «суперрыночного качества» обогнала культуры всех стран и стала ведущей на глобальном рынке. Американские фильмы, телепрограммы, поп-музыка «оккупировали» большинство стран мира. Глобальный культурный рынок, который создали США, «втацил» американский культурный продукт в сферу национальных культур» [9, с. 36]. Весь встревоженный мир попытался сопротивляться американской культурной экспансии. Весьма примечательной в этом плане является конвенция о культурном разнообразии, которую приняла ЮНЕСКО на своей сессии осенью 2005 г. Уже само название конвенции говорит о том, что её цель – стимулирование альтернатив глобализации культуры в американском варианте. Это действительно так.

Однако здесь мы вправе поставить ещё один вопрос. А надо ли и можно ли в экспансии американской культуры, культурных ценностей полагаться только на рынок, на финансовые коммуникации? По-видимому нет. Важно иметь в виду, что рынок имеет лишь касательное отношение к проблеме. К сожалению, в мире до сих пор есть силы, которые, прикрываясь самой сутью рыночных отношений, решают свои, нередко корыстные цели, создавая глобальный мир по-американски. В этом мире всё, в том числе и культура устанавливается и контролируется США и их единомышленниками, претендующими на глобальное господство. Сильные государства с целью увеличения своего влияния, авторитета, достижения тех или иных интересов системно, с использованием манипулятивных технологий внедряют свои культурные идеалы, образцы, принципы среди граждан других стран, что с одной стороны, ведёт к установлению духовной, культурной, моральной и нравственной зависимости, а с другой – способствует разрушению традиционных духовных, культурных нормативов, приводит к деградации национальной культуры, индивидуального и общественного сознания.

Уверенной поступью шествуя по миру, масс-культура искажает язык, обедняет его, засоряет заимствованиями, вульгаризмами, арготизмами и как следствие – искажает процесс мышления, обедняет чувства, лишая человека и общество духовной составляющей. С полным правом можно сказать: сегодня русский язык заражён американизмами, тюремной лексикой, разного рода провинциализмами. И, может быть, самое тревожное – он сдаёт завоёванные в свое время позиции. По данным Центра демографии и экологии человека ИНИ РАН (ЦДЭЧ), русский – единственный из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет утрачивает свои позиции в мире. К 2025 г., по прогнозу ЦДЭЧ, число владеющих русским упадёт до 152 млн человек [9, с. 40]. По-видимому, неслучайно, в России была принята Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2006–2010 гг. Однако каждый здравомыслящий человек понимает, что утратить завоёванные позиции во много раз легче, чем их восстановить. Сегодня уже нужны долговременные программы, рассчитанные не на пятилетие, а на многие десятки лет вперёд.

Ещё более тяжёлые последствия могут ожидать нас в связи с разрушением традиционной морали, переоценкой ценностей. Разве можно не согласиться с В. В. Сергеевым, который пишет: «За годы реформ выросло поколение, оторванное от своих корней, – «поколение пепси» – с расщепленным сознанием, с утраченными ориентирами, бездуховными целями, путающееся в представлениях о добре и зле. Культурная «шоковая терапия» нанесла ущерб людям гораздо больший, чем экономическая, привела общество к взрыву насилия и преступности, росту числа самоубийств,

пьянства, наркомании, бродяжничества, сексуальной распущенности, девальвации института семьи и брака» [1, с. 48]. Основные угрозы в сфере культуры заключаются в размывании базовых культурных и нравственных ценностей под воздействием масс-культуры, ведущих к деформации российской ментальности и утрате традиционной национальной культурной идентичности.

Именно поэтому в современном научном знании культуре отводится решающая роль не только в социально-экономическом развитии общества, но и в формировании новой гуманитарной парадигмы XXI века, ориентированной на наукообеспечение и безопасность России [10, с. 346–347]. Определённую угрозу социокультурной реальности представляет рост криминальной субкультуры, романтизация её образа. Преступная идеология сегодня усиливается по всем направлениям социального бытия, нормы поведения криминальных сообществ становятся своеобразным придатком жизни и деятельности значительной части населения нашего государства. Из сленгов преступников слова «отморозки», «крыша», «наезд», «бабки» и другие переместились в обыденную речь некоторых политиков, депутатов, деятелей культуры, руководителей различного уровня, в публикации СМИ. С экранов телевизоров и кинотеатров по-прежнему «потоками льётся человеческая кровь», насаждается культ насилия. Героями дня и литературных произведений становятся представители преступного мира, «бригадиры», «братки» и их пособники, представительницы «самой древней профессии» стали кумирами немалой части современной молодёжи. «Таких масштабов распространения криминальной субкультуры, её архетипов на российском культурном пространстве, проникновение в социум и его культуру, усиления влияния на многие стороны жизни и деятельности страны Россия не знала на протяжении всей своей многовековой истории» [11, с. 279].

И это в то время, когда наукой доказано, что при определённых условиях субкультура, включая криминальную, может эволюционировать в контркультуру, которая, как известно, имеет свойство при благоприятной обстановке трансформироваться в доминирующую, официальную культуру, может угрожать национальной безопасности страны.

Таким образом, культура, в том числе духовная, переживает тяжёлые времена. Обеспечение безопасности духовной культуры предполагает адекватную реакцию государственных и общественных структур на реальные и потенциальные угрозы в этой области. От фиксирования и оценок процессов в сфере духовной культуры пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации. Пришло время учиться видеть опасность, распознавать любые попытки манипулятивного воздействия, понимать, кто стоит за кулисами масс-культурного действа и какие цели преследует. Особое внимание следует обратить на детей, подростков, молодёжь, не обретших ни житейского, ни культурного опыта, и потому беззащитных перед орудиями масс-культуры. Каждый должен понять, что преодоление кризиса культуры возможно лишь через возврат государства и творческой интеллигенции к исконно духовным ценностям российской культуры.

Литература

1. Сергеев В. В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 44.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С. 329.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М., 1991. С. 307.
4. Россия сегодня: реальный шанс. М., 1994. С. 133.
5. Моздаков А. Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 18.
6. Виктор А. Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. М., 2005. С. 11.
7. The Argonaut, 9/1960\$ Der Eidgenosse, 26.09.1981, P. 4
8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 198. С. 25–40.
9. Макаревич Э. Ф., Карпущин О. И., Глобальные коммуникации и культурно-политическая экспансия // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С.36.
10. Кузнецов В. Н. Российская идеология. М., 2004. С. 346–347.
11. Катин В. И. Криминальная субкультура и её культурологические значения // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 279.